

Цуканова Татьяна 15 лет, 9 класс
Медиашкола «ДЮЙМ»
МБУ ДО «Центр детского творчества»
Развитие классической темы
Фандом х/ф «Союз Спасения» (2019 г., реж. Андрей Кравчук)

«Да Вы мечтатель!..»

Пролог. Детство
18 сентября 1795 года

*Да будешь, малютка, как папа, бесстрашен,
Пусть пламень гусара пылает в крови;
Как маменька — доброй душою украшен
И общей достоин любви.*

К. Ф. Рылеев

— Фёдор Андреевич, Фёдор Андреевич!.. — истошно, на весь дом, кричала служанка Ефросинья. Судя по сопутствующему этому крику топоту, девушка сбилась с ног в поисках хозяина. Наконец забежав в кабинет мужчины и без разрешения распахнув тяжёлые двери, раскрасневшаяся девушка радостно крикнула:

— Фёдор Андреевич, у Вас сын родился! Ай радость-то какая!.. Прикажете звать кого?

Мужчина за столом ожидаемо вздрогнул.

— Господи, Ефросинья, ты можешь быть потише и... не мельтешить? — недовольно спросил Фёдор. — Меня чуть Кондратий не хватил, — уже чуть тише добавил он, снова вернувшись к заполнению каких-то особенно важных бумаг.

Девушка разом погрустнела, но затем, о чём-то поразмыслив буквально секунд пять, снова радостно заверещала на весь дом, выбежав из кабинета и направившись к комнате хозяйки.

— Анастасия Матвеевна, муженёк Ваш сказал, что было бы славно, если бы Вы мальчика Кондратием назвали. Имя старинное, да и звучит неплохо, — сообщила Ефросинья, пытаясь отдышаться от быстрого бега. Девушка слабо и устало улыбнулась, услышав подобную новость: хоть в чём-то Фёдор участие принял! Слегка поморщившись от непривычного детского плача, Анастасия Матвеевна осторожно взяла сына на руки и начала его тихонько укачивать. Мальчик на удивление быстро успокоился и внимательно-изучающе взглянул на маму, что ту невероятно изумило.

— Фросенька, у тебя же есть дети, верно? — немного понаблюдав за сыном, спросила Анастасия и подняла вопросительный взгляд на служанку. Та немного гордо кивнула.

— Так точно-с. Троиш пока что Боженька послал, — ответила девушка, а затем с беспокойством спросила: — А что, не так что-то?.. Может, за доктором послать? Он ещё не мог далеко уйти...

— Нет-нет, всё в порядке, не переживай, — мягко улыбнулась девушка, продолжив укачивать сына. — Будем надеяться, что ты, мальчик мой, совершишь что-то поистине великое...

Глава 1. Распоряжение

13 декабря 1825 года

Известно мне: погибель ждет

Того, кто первый восстает

На утеснителей народа, —

Судьба меня уж обрекла.

Но где, скажи, когда была

Без жертв искуплена свобода?

Погибну я за край родной, —

Я это чувствую, я знаю...

И радостно, отец святой,

Свой жребий я благословляю!

К. Ф. Рылеев

Больной, с распахнутым настезь сердцем и в точно таком же лёгком пальто, Кондратий со всех ног мчался к Трубецкому, дабы обсудить совсем скорое восстание, которое они готовили долгими годами. Вот-вот должно было совершиться то великое таинство, на которое они, гордые и независимые борцы против власти, возлагали огромные и, надо сказать, отнюдь не беспочвенные надежды.

Всё существо, вся душа Кондратия буквально переворачивались при мысли о том, что именно сейчас вершится история. Даже если «Союз Спасения», поддерживаемый многотысячной русской армией, по каким-то причинам вдруг проиграет, они все всё равно войдут в летописи как brave герои, сумевшие сказать «нет» императорской власти и сенату, который, кажется, был на стороне Николая.

Прибежав к парадной Сергея Петровича, Рылеев к своему великому удивлению нашёл там и остальных друзей: Оболенского, Бестужева и Каховского. Они были не очень хорошо знакомы, да и общались, по большей части, слабо, и поэтому после того, как Кондратий быстро справился, как у кого из друзей дела, повисло неловкое молчание. Все ожидали Трубецкого. Каждый думал о своём. Рылеев же вспомнил свою жаркую, душную квартиру с зажжёнными кое-где свечами, от воска которых шёл пыл ощутимого даже в воздухе томления и вязкого липкого ожидания с помесью страха неизвестности. Невероятно опасное сочетание, загоняющее любого человека в угол. А уж такого тонко чувствующего человека, как Кондратий Фёдорович Рылеев, и подавно.

Ни о жене, ни о совсем крохотной дочурке поэт сейчас даже не задумывался, прекрасно зная, что с ними всегда всё будет хорошо. Они же носят его фамилию. Сейчас он был готов действовать радикально. В отличие от всех остальных. Никто не был против восстания. Но одно дело способствовать ему, и совершенно другое — его скорый приход. Оставалось надеется на Муравьёва-Апостола и Пестеля, но они были слишком далеко, чтобы на что-то и впрямь повлиять. Тяжело.

— Сергей Петрович, голубчик, мы уж думали, Вы не явитесь! — Кондратий был действительно рад Трубецкому. В его карих глазах тотчас разлилась щемящая, добрая и просто щенячья преданность, если не человеку, то делу уж точно.

— Кондратий Фёдорович, — довольно и искренне улыбнулся тот, уж было расправив руки для крепких дружеских объятий, но затем, быстро сообразив, что в таком случае придётся точно также обнимать всех присутствующих (надо сказать, с ними он тоже находился в чувствах, граничащих между хорошим знакомством и дружбой), еле заметно поморщился и приветственно крепко пожал руку поэту, — рад Вас видеть, — затем, переведя взгляд на остальных, лишь кивнул головой. — И вас, господа, тоже.

Заметив, что все уже друг с другом поздоровались, и увидев на себе выжидающе-осторожный взгляд Трубецкого, Рылеев как будто встрепенулся — в столь тёплых глазах поэта трогательная преданность мгновенно сменилась жёсткой решительностью, коя являлась обыкновением Сергея.

— Князь, нам пора выступать!.. — горячо начал Кондратий, заглянув в глаза Трубецкого. — Более ждать нельзя. — заметив, что тот отвёл глаза, поэт мягко встряхнул его за плечи. — Князь, да Вы слушаете меня?..

Сергею ничего не оставалось, как кивнуть. Ну не мог он с собой совладать — возразить хотелось, да нельзя — не охота было гасить этот готовый сдвинуть горы огонь в тёмных, как все их посиделки при одной-двух свечах, глазах поэта.

— Да, Кондратий Фёдорович, вы правы. Значит, поступим так: вы, — он метнул уже более оживлённый взгляд в сторону Оболенского и Бестужева. В голове Трубецкого тут же начала пульсировать мысль, разожжённая единой фразой поэта: «А что, если Кондратий прав в самом деле? Что, если и впрямь получится?..».

— Вы завтра сутра выведете свои части к сенату, на площадь. Я подключу туда своих лейб-гренадёров, но чуть позже, — сказав это, Сергей внимательно взгляделся сначала в серьёзное лицо Евгения, а потом и в слегка напряжённое лицо Михаила, пытаясь заметить хоть малейшее согласие с его словами в выражении. Посчитав, что все его распоряжения приняты и усвоены, Трубецкой удовлетворённо кивнул и даже позволил себе крохотную улыбку, заметив, как Рылеев ещё больше загорается идеей.

— Без меня ничего не предпринимать, — сначала запямятовав об этом, строго отрезал князь, затем вновь вернув на лицо мягкую улыбку.

Глава 2. Утро перед бурей

14 декабря 1825 года

*Любовь никак нейдёт на ум:
Увы, моя отчизна страждет, —
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.*

К. Ф. Рылеев

Проснулся Кондратий от того, что его кто-то нежно гладил по щеке тыльной стороной ладони. Слегка приоткрыв глаза, мужчина понял, что это была его жена, Наталья Михайловна. Сильно переживая за самочувствие супруга, она тщательно проверяла его температуру и распорядилась, чтобы поднесли больше пуховых платков и подушек. Кондратий умилился подобной заботе.

В его сердце заново расцвели и без того не увядающие большие ярко-алые бутоны маков.

Рылеев не хотел подавать вида, что уже проснулся, но приступ ужасного кашля выдал его с потрохами. Наталья Михайловна еле заметно вздрогнула и тут же прижалась к мужу, надеясь его дополнительно согреть своим теплом. Тот улыбнулся сквозь кашель и, стараясь не замечать того, что лёгкие безнадежно сильно болели, а горло дико саднило, осторожно приобнял супругу.

— Который час, Наташенька? — немного помолчав, спросил Рылеев, уставившись на что-то за окном. В голове начали закрадываться смутные сомнения, ведь Санкт-Петербург уже давным-давно проснулся, солнце радостно-приветливо разливалось по проспектам и площадям, улыбаясь всем жителям города, а на Сенатской, неподалёку от которой они жили, были слышны какие-то голоса и строевой шаг.

Наташа осторожно подняла взгляд на мужа и тихо, но серьёзно ответила:

— Кондратий, я тебя никуда не пущу, слышишь?.. У тебя ночью жар был, врач велел тебе с постели не вставать.

Наталья, к сожалению, слишком хорошо знала своего мужа, знала, что он её ни в коем случае не послушается, да ещё и выскочит на жуткий мороз в своём осеннем пальто; знала, что он, конечно же, пойдёт на Сенатскую; знала, что там точно будет Трубецкой, что её раздражало почему-то больше всего остального.

Рылеев на слова супруги лишь недовольно вздохнул и встал на ноги, снова зайдясь в приступе. Заметив на платке, коим закрывался, мелкие капли крови, расцветающие на белом полотне грозными пятнами, поэт понял, что на восстании на Сенатской площади он просто обязан побывать. Жить всё равно осталось недолго.

— Милая моя, я всего лишь спросил, который час, — уже мягче заметил Кондратий, накидывая свой излюбленный сюртук и замечая в глазах жены лёгкое разочарование.

— Я не спрашивал твоего мнения, — уже чуть тише добавил он.

Девушка осторожно вздохнула и, подойдя к мужу, заглянула в его глубокие глаза. Она ничего не сказала — лишь всхлипнула и уткнулась носом в его грудь. Кондратий ненадолго о чём-то задумался, затем, быстро поцеловав супругу в макушку, одним движением повязал галстук на шее.

— Папа, папа! — в печальной, тихой до этого самого времени спальне раздался звонкий девичий голосок и быстрый топот маленьких ножек. При виде любимой дочки Рылеев окончательно расцвёл, буквально ощущая на лице отклик сердца. Он даже на минуту забыл о недуге, мучавшим его уже около трёх недель.

— Настенька, доченька!.. — подхватив дочку на руки, проговорил мужчина и взглянул на супругу, которая, казалось, уже забыла о его недавнем грубом поведении и точно также расцвела, ласково чмокнув дочку в щёку. — Ты чего так рано встала, солнышко моё? — ласково спросил Кондратий, поцеловав девочку в другую щёку.

Та хитро сверкнула тёмными, как у папы, глазками и, немного подумав, прошептала папе на ухо: — Я с тобой пойду!.. Только маме не говори, это секрет, — девочка очаровательно улыбнулась и невинно похлопала длинными ресницами, переводя взгляд на мать. Та улыбнулась дочке и вопросительно посмотрела на мужа.

Кондратий вмиг стал серьёзным и, строго посмотрев в глаза дочурки, передал её на руки Наташе. То, что сказала Настя, разумеется, даже не обсуждалось: ей ни в коем случае нельзя было там находиться. А тем более вместе с ним — это был тот случай, когда с ним было ещё опаснее.

— Нет, Настасьюшка, ты останешься дома с мамой, — твёрдо ответил мужчина, а затем, дав себе мысленно звонкую пощёчину за подобный тон, начал мягко уговаривать дочь: — Представь, если мы с тобой вдвоём уйдём. Мама же одна останется. Ей будет очень грустно, солнышко.

Девочка на секунду задумалась над словами отца, но тут же что-то придумала и радостно улыбнулась:

— Тогда давай её возьмём с собой! — довольная своей задумкой, предложила Настя.

Кондратий сурово нахмурился, но от ответа воздержался, лишь сдержанно поцеловав дочь в лобик. В мягкой и ранимой душе поэта вновь всколыхнулась тревога: тяжёлые думы не давали покоя. Его невероятно захватывала идея революции. Ему хотелось почувствовать себя героем. Неважно чего — истории, литературы или Отечества. Он хотел, чтобы его стихами когда-нибудь восторгались, но на данный момент одобрения Пушкиным хватало с головой

Он, как и вся молодёжь, зачитывался английскими романами, в особенности, Байроном, был движим теми же идеалами, что у всех были перед глазами. Но пока остальные бездействовали, лишь скучая, подобно

Байроновскому герою, поэт с радикально настроенными против власти офицерами русской армии (из своих соображений исключительно) создал общество, названное «Союзом Спасения» и движимое к одной-единственной развязке. И вот-вот она должна была наконец свершиться. Это придавало особой смелости и нотки сладостно-тяжёлого предвкушения.

Глава 3. Прощание и отчаянность

14 декабря 1825 года, вечер

*Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блески и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морицы прятать под румяны...
Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..*

Михаил Лермонтов

Восстанием он явно был недоволен.

А точнее – разочарован. Разочарован в себе, разочарован в офицерах. А в особенности разочарован Трубецким. Сердце больно кололо, стоило только вспомнить холодное, обрубленное «господин литератор», сказанное князем. Кондратию невыносимо хотелось плакать, да не просто плакать, а рыдать навзрыд. И непонятно, от чего больше: от обиды или от осознания собственного бессилия.

— Папочка, ты что, плачешь?.. — в оглушительной тёмной тишине комнаты неожиданно прозвучал тоненький голосок Настеньки, которая осторожно-боязливо заглядывала своими чёрными блестящими, как у папы, глазами в его собственные.

Кондратий, находясь полностью в своих отнюдь не весёлых думах, совсем не заметил, как по щекам градом стекали солёные крупные капли, оставляя за собой тяжёлый след страданий. Услышав голос дочери, мужчина встрепенулся и немного растерянно взглянул на неё. Настя испуганно отшатнулась: таким отца она ещё не видела.

— Нет, что ты, доченька. Нет, конечно, солнышко, — так же растерянно пробормотал Кондратий, судорожно вытирая щёки и глаза трясущимися руками и затем вымученно улыбнувшись дочке. — Мужчины никогда не плачут, запомни это, милая.

Девочка осторожно подошла к папе и обняла его, обвив крохотными ручками его шею. Мужчина судорожно выдохнул и крепко обнял дочь, любяще поцеловав её в висок. Затем Кондратий, быстро поняв, что их сегодняшняя выходка явно не останется без внимания Николая, и что его могут либо сослать, либо казнить, осторожно прошептал дочке на ухо:

— Пообещай мне слушаться маму и во всём ей помогать, солнышко моё... — он тут же внимательно и серьёзно посмотрел в глаза Настеньки и добавил: — Договорились, дружок? — он подмигнул дочке, чтобы та не так сильно волновалась из-за слов отца.

Девочка внимательно посмотрела в глаза папы, чувствуя, как у самой слёзы уже стекают на крохотный подбородок, но, несмотря на это, медленно кивнула головой.

— Вот и славно, — мягко улыбнулся Кондратий, усадив дочку к себе на колени и осторожно стерев большим пальцем солёные дорожки с её личика.

Они просидели так довольно долго. Час или два точно. И вот, когда Настенька уже клевала носиком на груди отца, в дубовую дверь раздался осторожный стук. Кондратий не совсем естественно дёрнул головой в сторону звука и, встав с тёплого, уже нагретого кресла, осторожно уложил туда дочку, уже начавшую невероятно уютно посапывать. С тяжёлым камнем на сердце открыв дверь, Рылеев ещё тяжелее вздохнул: в проходе стояли двое офицеров из Зимнего дворца с бумагой в руках.

— Рылеев Кондратий Фёдорович? — уверенно спросил один из них, внимательно вглядываясь в измученное, с мягкими чертами лицо поэта. Тот, не найдя в себе силы даже на то, чтобы сказать простое слово из двух букв, лишь утвердительно кивнул головой. — Вы арестованы. Просим Вас, милейший, проехать с нами на допрос, устраиваемый Его Величеством Николаем Павловичем в Зимнем дворце.

Он так и знал, а потому и не сопротивлялся, прекрасно зная, что ему же хуже будет. Он вышел из тёплой комнаты, предварительно ласково поцеловав дочь в лобик и укрыв её найденным на диване пледом.

— Вы не могли бы подождать буквально пять минут?.. — окончательно севшим то ли от мучавшего недуга, то ли от того, что никогда больше не увидится с любимой семьёй, голосом спросил Рылеев, трепетно заглядывая в глаза офицеров. Те хотели было возразить, но поэт их опередил: — Я хотел бы попрощаться с женой и одеться. Второе лишь по той причине, что я простужен... — так и не дождавшись согласия, Кондратий зашёл в соседнюю комнату, где уже спала Наташа.

От прохладного дуновения ветра Наталья Михайловна сонно раскрыла глаза. Заметив мужа, который наскоро одевался, она тотчас поднялась, окончательно проснувшись. По скорбному взгляду тёмных терпких молочно-шоколадных глаз мужа Наташа всё моментально поняла и в диком, чуть ли не первобытном страхе зажала бледной рукой рот, дабы горестный громкий стон не вырвался наружу. Она не верящим взглядом смотрела на Кондратия, не в силах вымолвить хоть слово. Признаться, Кондратий и сам был в таком состоянии, но пытался держаться из последних сил. Ведь он мужчина, отец семейства.

— Кондраша... — только и смогла проговорить Наташа, громко всхлипнув и теперь закрыв руками всё лицо, потерявшее цвет уже, видимо, навсегда. Она в бессилии опустила на мягкую, но уже ставшую навсегда

чужой кровать. Но вдруг в её движениях и взгляде показалась непонятная решимость, никогда прежде не замечавшаяся в ней самой.

Она встала и, не удержавшись от ещё одного слабого всхлипа, серьёзно сказала:

— Я сделаю всё, что будет нужно. Если тебя отправят в ссылку, я не раздумывая поеду за тобой. Ты только скажи, — в её решительном взгляде секундой промелькнула нежность и искренняя преданная любовь до самой смерти.

Кондратий горько усмехнулся, повязав на шею свой излюбленный платок и повернувшись к жене. Он хотел было сказать, что она слишком нежна для Сибирского климата, но затем осёкся, моментально помрачнев.

— Но если меня... Если меня повесят, прошу, милый друг мой, подумай о Настеньке. Уж лучше пусть она останется без отца-предателя, чем сиротой..., — поэт внимательно взглянул на жену, надеясь, что его слова для неё не пустой звук. Наташа же согласно закивала, вмиг подлетев к мужу и взяв его руки (указательные пальцы которых были вечно измяты карандашом, а на запястье красовалось небольшое чернильное пятно, сейчас уже, кажется, расплывшееся и по нежной душе поэта), осторожно улыбнулась.

— Даже в такую минуту ты писал? Ты неисправим..., — мягко пожурив мужа Наташа, наигранно равнодушно заглянув в его глаза.

Кондратий лишь крепко обнял её: он прекрасно знал, что это напускное спокойствие — лишь искусная, непонятно откуда взявшаяся, актёрская игра; он знал, что не пройдёт и двух минут с его отъезда, как Наташа будет биться в истерике и бить хрупкий императорский фарфор; он знал, что во всё она будет обвинять Трубецкого. И он знал, что во всё она будет права.

— Т-с-с, — тихо прошептал Кондратий и смазано поцеловал супругу в висок, крепче прижав её к себе. Она тут же уткнулась в его плечо и залилась горячими слезами, грозившими остаться на её миловидном личике до самой смерти, которая стояла тут же, за спиной поэта. Старуха уже протянула над его светлой головой свою костлявую, ужасающую руку, с нетерпением ожидая его часа.

Глава 4. Смерть поэта

Ночь с 14 на 15 декабря 1825 года

*Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.
И, взглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!*

Ночь была тяжёлой. Даже чересчур.

В Зимнем дворце всё напоминало об утреннем восстании: всё те же знакомые лица, всё то же стремление что-то изменить, но теперь уже не имея к этому никакой возможности.

Комната допроса была неудобной: посреди стоял одинокий стол с кучей бумаг, чернильницей и будто бы брошенным пером; душный жар от свечей, столь приятный и радостный прежде, стал удушливым; на холодной оконной раме неприятно дребезжала сонная муха.

Кондратий страдал. Его нежная душа свербела в неприятии происходящего и вместе с тем в отчаянии от бессилия. Он томился в жутком коридоре, ожидая аудиенции и буквально изнывая от незнания своей судьбы. На его тонких, совсем бледных кистях выжигали ледяным железом кровавые следы кандалы. «Будто преступник какой», — невинно промелькнула острая мысль в его голове, которой он ужаснулся, быстро осознав, что он, они и есть самые настоящие злодеи. Кондратий моментально понял, что он собственноручно подписал своей семье смертный приговор. Его сердце сжалось в оцепенении и, будто не желая биться, пропустило пару-тройку ударов; в больном, разодранном горле остановился отчаянный вскрик сломленности, да так и остался там. Поэт начинал злиться на себя. Он чувствовал себя чересчур уязвлённым, при этом не желая казаться таким. Ему было неприятно от самого себя.

Но отступить было нельзя. Ни в коем случае.

«Всё же, Настеньке будет лучше без отца-предателя», — тут же со светлой грустью подумал Рылеев, закрыв трясущимися руками лицо и терпя новый приступ жгучей боли от кандалов. Он просидел в таком видимом спокойствии не больше минуты, затем сразу же вскочив с ледяного пола в новом приступе какой-то ярости и вместе с тем истерии.

Его больной воспалённый мозг внезапно нарисовал образы ужаса: стены начали надвигаться, а потому в приступе паники приказал трепещущим лёгким перестать дышать.

Рылееву начало казаться, что под его ногами не пол, а трескающийся от ударов ядрами лёд. И вот, он уже проваливается в студёные воды Невы, несущейся куда-то непомерно быстро. Он тонет. Но почему-то шею невыносимо саднит, будто Бестужев снова случайно зацепил рану от мушки, а под ногами пустота, но на самом деле лишь косая сажень.

— Кондратий Фёдорович, — кто-то его вдруг потрепал за плечо. Поэт в отчаянии распахнул большие бездонные карие глаза, полные слёз, в надежде увидеть кого-нибудь из своих друзей, но это был всего-навсего простой солдат, которому было велено приглядывать за Рылеевым, дабы тот чего не удумал, пока ждёт аудиенции. — Вы как? — вслед за этим солдат попростому, искренно, протянул поэту руку, взволнованно заглянув в его глаза. Тот опомнился, лишь судорожно и не совсем естественно закивав головой. Затем, случайно заметив сквозь пелену слёз, застлавшую обзор, протянутую

руку, слегка улыбнулся и, сморгнув пару раз (тут же почувствовав, как солёные капли градом покатались по лицу), принял помощь.

— Благодарю Вас, — севшим голосом проговорил поэт и прочистил горло.

Солдат на это лишь кивнул и, прекрасно понимая состояние Рылеева, мягко похлопал его по плечу.

— Кондратий Фёдорович, Николай Павлович просит Вас., — буквально сгорая от стыда, сообщил он, зная, насколько эта весть не вовремя.

Тот снова как-то рвано кивнул и кинул внимательный, испытующий взгляд на солдата.

— А как же, Дмитрий Александрович? — так же тихо спросил он, догадавшись, что до него император говорил именно с Щепиным-Ростовским.

— Так Дмитрий Александрович ушли-с. Уже полчаса как, — быстро взглянув на настенные часы, ответил солдат.

Сердце Кондратия снова пропустило пару ударов.

— Как?.. — с недоверием спросил он. Его длинные ресницы вновь затрепетали, ознаменовав этим скорые слёзы, которые, кажется, не прекращались вовсе. — Уже?..

Солдат лишь кивнул и, засуетившись, раскрыл двери комнаты для допроса. Николай, только увидев образ поэта, медленно входящего в комнату, недовольно поморщился.

— Снимите с него кандалы, я уже насмотрелся на скованных, — устало проговорил император, потеряв переносицу. Солдат беспрекословно выполнил поручение. Кондратий зашипел от боли: убранный и уже, казалось, раскалённое железо открыло вид на алые рваные раны с фиолетовыми синяками на тонких запястьях поэта. Он потёр руки, как бы не веря, что эти ужасающие следы – не очередной плод его порядком больной фантазии.

Николай с интересом наблюдал за Рылевым, не говоря ни слова, и вяло размышлял о том, как же сильно заключение меняет людей. Буквально несколько часов назад этот самый Кондратий Фёдорович Рылеев так воодушевлённо бегал между строившимися тогда полками лейб-гренадёров и гвардейцев, так бодро выкрикивал вместе с остальными «За Константина!» и так смело кидал на опешившего Николая грозные взгляды, что было весьма трудно поверить, что тот Рылеев и этот — измотанный, нервно озирающийся по сторонам, с трясущимися руками и глазами на мокром месте — один и тот же человек.

Николай лениво пробежал глазами по строкам характеристики и снова поднял взгляд на поэта, теперь отчаянно дёргавшего носом.

— Рылеев Кондратий Фёдорович, вероисповедания христианского, ходил в заграничные походы 1813 и 1814 годов, правитель канцелярии Российско-американской компании, поэт, — прочитав последнее слово, император чуть насмешливо воззрился на арестованного. Тот, будто почувствовав немой вопрос, слегка кивнул, почти не в силах двигаться и говорить. — Чем же Вам царский род так не угодил, что Вы о цареубийстве

громче всех толковали? — Николай откинулся на спинку стула, вытянул ноги и размял шею: за шесть часов непрерывного допроса он порядком устал.

Рылеев подумал с минуту, а затем горделиво поднял голову.

— Я хотел изменить Россию навсегда, хотел всем равенства, — ответил он, тщательно подбирая слова, дабы не сделать себе же хуже. Николай усмехнулся. Вдруг его лицо озарила догадка, и он рассмеялся. Но этот смех не значил ничего хорошего уж точно.

— Да Вы мечтатель!.. — наконец сказал он. — Но Вы ошибаетесь. В русском народе до сих пор не было цинизма. И никогда не будет, — отрезал Николай. Он встал и, пройдясь по тёмной комнате, освещённой лишь несколькими свечами, жар от которых коварно забирался в лёгкие поэта, вновь перекрывая ему воздух, остановился в паре метрах от заключённого. — Вы же женаты, Кондратий Фёдорович, зачем Вам это было нужно? Каких перемен Вы хотите? Русское государство истинно спокойно тогда, когда им правит грамотный и расчётливый монарх. Да и к тому же, Вы этого хотели для своей семьи? — он указал на следы от кандалов на запястьях поэта, теперь почти почерневших.

Рылеев молчал, не зная, что и ответить. Он понимал, что император кругом прав, но твёрдо чувствовал больным сердцем, что со своими принципами нужно идти до конца. Он метался между двумя сторонами. Ему нужен был хоть какой-то противовес, но такового никак не мог найти, а потому лишь тяжело вздохнул. Повисло молчание, прерываемое лишь надоедливым жужжанием окончательно проснувшейся от тепла мухи.

— Не понимаю я вас, — наконец сказал император, садясь обратно за стол. — Каждый друг друга сдаёт, защищая лишь собственную жизнь. Это хорошо. Хоть какая-то крупица здравого смысла в вас есть, — усмехнулся Николай, серьёзно глядя на Рылеева. В такие моменты император был особенно страшен: уста его улыбались будто бы одобряюще, но вот глаза... Глаза горячо осуждали. Он сложил руки в замок, видимо, устав окончательно. — Но, обрадую Вас, для Вашей семьи ещё не всё потеряно. Назовите мне хотя бы несколько имён, и я постараюсь что-нибудь сделать для Вашей жены и дочери, будьте покойны.

Кондратий, окончательно измучившийся душевными тревогами и решивший, что если уж он точно обречён, то надо постараться сделать хоть что-то для спокойной жизни своих любимых девочек. Ведь он никогда не простит себе, если они будут горевать и терпеть сплошные бедствия только из-за того, что носят его фамилию. Наконец он кивнул и шёпотом попросил воды, чувствуя, как всё моментально пересыхает во рту, не давая возможности нормально говорить.

Месяцы ареста длились нестерпимо долго. Но надо отдать должное императору: с ним обращались не так жёстко, как с остальными. Каждую неделю жена присылала ему чистое бельё, книги, а ещё чаще — почти каждый день — тёплые письма, насквозь пропитанные слезами и болью, ведь она прекрасно понимала, что её мужа в заточении держат не просто так.

«Любимый мой Коня, чувствую я себя хорошо. На днях видела Катерину Ивановну Трубецкую — она куда-то ужасно торопилась, верно, ехать к мужу.. (тут был влажный след от слезы, наскоро вытертый пальцем) Кондратий, Настенька каждый день спрашивает о тебе, думает, что ты уехал в Москву, и интересуется, когда вернёшься. Я не представляю, что мы будем делать без тебя.. (тут что-то было написано, а сверху зачёркнуто так, что разобрать хоть слово было весьма затруднительно) Что тебе ещё привезти?..» И так каждое письмо.

Сердце поэта сжималось, стоило ему только прочитать о своей дочери. Обыкновенно он ходил по камере с нервно сжатым письмом в исхудавшей руке и смотрел куда-то в пустоту, гадая, каково Наташе и Настеньке на самом деле. Он прекрасно понимал, что Наташа не станет писать всего, что с ней, с ними происходит. А всё ради того, чтобы его душа не рвалась на части лишний раз.

Время шло. Легче не становилось. Даже наоборот — с наступлением лета камень, привязанный к облитому алой, почти чёрной кровью сердцу поэта, с каждым днём всё сильнее тянул в бездну, откуда не возвращаются. Ещё 17 декабря он точно знал, что его повесят, но супруге не говорил об этом ни слова, решив, что лучше её прежде времени не волновать. И теперь об этом ужасно жалел.

В ночь на 13 июля у него на сердце неспокойно. Он не спит. Ходит по камере, будто приведение. Пытается отвлечься от печальных мыслей о том, что ему осталось жить всего несколько часов, даже придумывает стихи. Бумаги больше нет — последний лист потратил на предсмертное письмо жене — приходится царапать какой-то булавкой по деревянной тарелке, целый день простоявшей без дела. Стихи выходят корявые и как бы оправдательные. Ему не нравится. Он так не хотел. Он с досадой качает головой и с какой-то непонятной отрешённостью отшвыривает тарелку в дальний угол. Плохо.

Утро. Бессонная ночь, далеко не первая за этот месяц, даёт о себе знать — под тёмными глазами, взгляд которых уже несколько безучастный, такие же тёмные круги. Обычно они появлялись у него, когда он сидел за стихами всю ночь напролёт, пытаясь придумать идеальную рифму, а потом, утром, Сергей Петрович (всегда приезжавший к Рылееву самым первым) так привычно ругал его за наплевательское отношение к здоровью. Вспомнив это, Кондратий усмехается. Какое, к чёрту, здоровье, когда он знает, что

через два часа, самое большее, три, его шейные позвонки будут беспощадно разорваны и горячее сердце остановится навсегда?

Эшафот. Его строят непомерно долго, как-то наскоро и, кажется, ненадёжно привязывая к верхней перекладине чересчур длинные верёвки с пугающими петлями на концах. Пестель неодобрительно ворчит, примерно прикинув длину верёвок и соотнеся её со своим ростом. Миша Бестужев-Рюмин бьётся в истерике. Серёжа Муравьёв-Апостол его успокаивает. Кондратий не обращает на это никакого внимания — его время отчаяния и отрицания прошло давным-давно; теперь наступило покорное время принятия. Его мысли сейчас чересчур беспорядочны, отрывочны. Ведь надо ещё подумать о многом, а времени мало, ужасно мало.

Мешки. Зачем? «Будто скот какой» — недовольно проносится в голове поэта, теперь уже без имени и без рода; теперь уже просто преступника. Минуты, секунды тянутся чересчур долго. Он чувствует, как по его порядком исхудавшим рукам стекает боязливый, постыдный холодный пот. Он жадно хватается ртом воздух, но всё бессмысленно — перед смертью не надышаться. Он судорожно вспоминает все молитвы и принимается их читать чуть ли не разом.

Барабанная дробь. Осталось всего несколько секунд. Казалось бы, ничтожно мало. Но для висельников — невыносимо долго. И вот, он чувствует под ногами пустоту. Шея беспощадно болит. Он задыхается. Он не понимает, почему он ещё что-то чувствует.

Резкий рывок — верёвка рвётся. Он падает вниз, вместе с ним ещё двое. Бесспорно, это спасение. Но то ли это спасение, на которое они рассчитывали раньше? «Несчастливая страна, где они даже не знают, как тебя лучше повесить», — первым делом проносится в голове поэта. Он чувствует дикую боль; он захлёбывается в собственной крови; он беспомощно хватается за шею. Когда с него снимают ужасный мешок, он думает, что на этом всё, что его мучения окончены...

13 июля 1826 года в Петропавловской крепости повесили пятерых зачинщиков восстания: Павла Пестеля, Сергея Муравьёва-Апостола, Кондратия Рылеева, Михаила Бестужева-Рюмина и Петра Каховского. Трёх из них – повторно.